

Николаев И.В.

СИМВОЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ РАДИКАЛИЗМА В ДИСКУРСЕ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ (по материалам регионального исследования)

Аннотация. Предметом данного исследования выступает процесс символизации радикальных терминов и идеологических штампов в дискурсе студентов высших учебных заведений Ростовской области. Правый крен, наблюдаемый в российской политике последние 10 лет, привел в образовательном и медиа-пространствах к популяризации периферийных радикальных идеологем, усвоение которых создает в сознании студентов комплекс вербальных символов. Утратив научное содержание, эти символы становятся показателем латентной поддержки правого радикализма и составляют потенциал перехода в активную форму политической деятельности. В статье предпринимается попытка деконструкции вербальных символов, а также обоснования принадлежности ряда общепотребимых и научных терминов к периферии правого радикализма. Методом сбора первичных данных выступила серия свободных групповых интервью, материалы которых, представленные в виде стенограмм и аудиозаписей, были подвергнуты текстологическому исследованию с помощью качественного контент-анализа и техник дискурс-анализа. К основным выводам проведенного исследования следует отнести подтверждение факта наличия в сознании студентов комплекса радикальных вербальных символов. Радикальная терминология, попав в дискурс политологов из медийного пространства, не подвергается критическому переосмыслению, а усваивается в форме штампов, искажающих представления о реальной политической ситуации. Свойственные правому радикализму периферийные концепты («великая держава», «империя», «русский/славянский мир», «цивилизационный раскол» и т.п.) широко используются студентами в общении на политические темы. Новизна исследования состоит в попытке интеграции теории «идеологем» и идеи наличия в дискурсе вербальных символов как их лексического выражения.

Ключевые слова: политическая идеология, правый радикализм, идеологема, вербальный политический символ, групповое свободное интервью, студент, термин, идеологическая периферия, символизация, пустой знак.

Abstract. The subject of this research is the process of symbolization of radical terms and ideological stamps in discourse of the students of higher education institutions of Rostov Oblast. The first turn noticed in the last decade in Russian policy, lead to popularization of peripheral radical ideologemes within the educational and media spaces, the digestion of which creates a complex of verbal symbols in students' consciousness. Having lost the scientific content, these symbols become an index of latent support of the right-wing radicalism and comprise the potential of transformation into an active form of political activity. The article makes an attempt of deconstruction of the verbal symbols, as well as substantiates the affiliation of a number of universally used and scientific terms to periphery of the right-wing radicalism. The main conclusion of the conducted research lies in verification of the presence of a complex of radical verbal symbols within the

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

students' consciousness. Radical terminology, having become a topic of political scientists from media space, is not subjected to a critical rethinking, but is rather digested in form of stamps that distort the perceptions about the real political situation. Common to the legal radicalism peripheral concepts (great power, empire, Russian/Slavic world, civilized collapse, etc.) are extensively used by the students in communication on political topics. The scientific novelty consists in the attempt of integration of the "ideologemes" theory with the idea of presence in discourse of the verbal symbols and their lexical expression.

Key words: *ideological periphery, term, student, group free interviewing, verbal political symbol, ideologeme, right-wing radicalism, political ideology, symbolization, blank sign.*

В условиях размывания идеологических концепций, утраты связи с социальными группами и их интересами, обоюдных заимствований терминов различными политическими направлениями, возможно, самыми близкими к аутентичному определению идеологии остались только радикальные течения. По ряду признаков они сохраняют статус модернистских идеологий. Однако колебания политического мейнстрима от левого к правому краю спектра создают условия, в которых даже эти течения не могут оставаться нетронутыми.

Важным в этом контексте представляется способность политических экспертов ориентироваться в идеологическом спектре для грамотного и своевременного реагирования на радикальные угрозы. Необходим навык вычленения и классификации радикальных идеологем, а также способность к их анализу, дистанцированному от эмоциональной оценки радикализма. Такой подход к исследованию радикализма может быть сформирован у аналитика в процессе обучения и профессиональной подготовки.

Целью нашего исследования является выявление места радикальных терминов и идеологем в сознании студентов-политологов, а также степени их влияния на аналитическую оценку политических событий. При этом в качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что радикальная терминология используется студентами некритично, ввиду ее популярности в средствах массовой информации, а также в соответствии с латентными радикальными настроениями. Однако и в том, и в другом случае в дискурсе студентов-политологов произошло опустошение данной терминологии, превращение ее в комплекс вербальных символов, выступающих маркерами принадлежности к подоб-

ным политическим идеям или наоборот отказа от таковой.

Под вербальным политическим символом в контексте исследования идеологического дискурса мы понимаем «узловой знак политической реальности, поглощенный определенным идеологическим дискурсом и насыщенный подверженным конъюнктурным изменениям смыслом» [1, с. 1503]. Обращаясь к вопросу о радикальных идеологиях, мы, в первую очередь, имеем в виду правые течения, представленные национализмом, фашизмом, национал-социализмом, национал-большевизмом и т.п.

Для оценки праворадикальных идеологем и терминов в среде молодых политологов, мы прибегли к серии свободных интервью с разнородными группами студентов, проходящих подготовку по направлению «Политология» в Южном федеральном университете и Южно-Российском институте (филиале) Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Материалы бесед были подвержены качественному контент-анализу, а также исследованы с помощью техник дискурс-анализа.

Правый крен

Проводя ретроспективный анализ идеологических предпочтений российского общества за последние двадцать пять лет, можно заметить явную тенденцию уклонения к правому краю политического спектра. После неудачи либерального проекта 90-х годов, стали востребованы консервативные идеи охранительного характера, привязанные к концепциям особого пути, соборности, коллективизма, объединения русского мира и т.п. Для поддержания правого проекта официальная пропаганда выдвигала различные

идеологемы и мифологические конструкции, однако только в 2005 году консервативные тенденции были концептуализированы в идеологии «суверенной демократии». По утверждению Б.В. Межуева уже эта концепция имела потенциал объединения вокруг себя консервативно настроенной элиты. Базируясь на универсалистских постулатах модерна, а не на традиционалистских принципах культурной особенности России [2, с. 108], «суверенная демократия» имела шанс стать центрирующей идеологемой политического мейнстрима. Однако, столкнувшись с дилеммой вторичной модернизации и отторжением обществом излишнего теоретизирования, идея потерпела крах [3, с. 99].

Укоренение противоречий между Россией и западным миром, проявившееся на фоне борьбы России за экономическую самостоятельность и контроль собственных ресурсов, приводит к усилению правых настроений в обществе и в официальной позиции. Качественно новый этап консервации политического режима в нашей стране наступает с кризисом в юго-восточной Украине и началом антироссийской политики со стороны Запада. Усиливается акцент на великодержавном статусе России, особом пути развития, дистанцировании от мировой общественности и поиске внешних врагов; в целом политика российского правительства и направление деятельности официальной пропагандистской машины приобретает отчетливые правые и даже националистические черты. Постепенно инициированный еще в 90-х годах поиск «национальной идеи» превратился в миф о великой державе, история которой прерывалась трагическими событиями 1917, 1991 годов [4, с. 1502]. По этой причине в основу данного исследования были положены внешнеполитические вопросы и аспекты радикализма (от международного терроризма до трансграничного сотрудничества националистических организаций). Внешнеполитические темы доминируют в современном информационном пространстве России. Было сделано предположение, что именно они вызовут наибольшую эмоциональную реакцию респондентов и позволят выявить степень осознанности праворадикальной вербальной символики среди студентов-политологов.

Как отмечает Л.Г. Фишман, правые идеологии по определению эклектичны: в стремлении закрепить статус-кво, они вбирают в себя те элементы, лозунги, термины и идеологемы, которые могут поспособствовать главной цели – консервации, вне зависимости от их изначальной принадлежности [5, с. 151]. Правым идеологиям свойственно обращение к морализаторским идеям, апеллированию к религиозным и нравственным ценностям, однако собственной моральной концепции зачастую они не имеют, так как сами прагматичны до предела. Поэтому правые течения, в частности национализм, нуждаются в дополнении идеологией всеобщего характера, которая за счет своей целостности придаст им «хотя бы тень морального обоснования» [5, с. 152]. Подобная фрагментарность правых идей составляет значительную преграду в исследовании праворадикальных настроений среди студентов-политологов. Однако за счет многоуровневого опроса и поэтапного углубления темы экстремизма мы получили данные о терминах и вербальных эквивалентах идеологем правого радикализма, имеющих место в сознании молодого поколения политических аналитиков. Рассмотрим особенности использования праворадикальных терминов с точки зрения их сущностной характеристики и уровня осознанности.

Эклектичная идеология или эклектичное сознание?

В процессе обсуждения группы студентов продемонстрировали ограниченные способности к ориентации в идеологическом спектре. Практически все респонденты не смогли выделить качественные характеристики основных идеологических течений. Особенно ярко эта проблема проявила себя во время обсуждения признаков правых идеологий и праворадикальных течений.

Используя свои профессиональные знания, респонденты в ходе интервью неоднократно предпринимали попытки разграничить понятия фашизма и национализма. *«Есть термин неофашизм. Фашисты были во времена второй мировой. Муссолини. Верховенство нации, даже расы. Неофашизм – превозношение своей нации»* (здесь и далее курсивом выделены цитаты из стенограмм).

мы свободных интервью – прим. авт.). Единого мнения в отношении разграничения понятий не было выявлено. Более того, обсуждение проблемы дефиниции праворадикальных идеологических течений вылилось в спор о медийных стереотипах. Ассоциирование фашизма и нацизма с периодом их существования в первой половине XX века в Германии и Италии оказалась настолько устойчивой, что возможность присутствия подобных идеологий в современном российском обществе фактически отрицалась. Повинуясь логике народа-победителя фашизма, создавшего великую империю (вне зависимости от цветовых предпочтений – красную или белую), студенты подсознательно отказываются от признания потенциала фашисткой и нацистской идеологии в нашей стране. Наиболее внятным оказалась версия определения фашизма, характеризующая его тем, что он фактически является стадией развития национализма: *«Фашизм – это ненависть к другим нациям, а национализм – только превозношение своей»*.

Обратим внимание на то, что часть аудитории продемонстрировала относительную осведомленность об истории и идеологическом содержании фашизма. Знания истоков и атрибутов (символики – свастика, Майн Кампф, красно-черный флаг и т.п., героики – Муссолини, Гитлер, Геббельс, Бандера и др.) в незначительной степени повлияло на способность ориентироваться в идейном содержании фашизма, более того создало плодородную почву для индивидуального творчества в форме домысливания идеологических мифов и истории политического течения.

Подобная же ситуация характерна и в отношении родового понятия «радикальные идеологии». Студенты смогли выявить в качестве признака радикализма только агрессивный характер деятельности по достижению политических целей. В то время как супремасизм – признание превосходства одних социальных/этнических/религиозных групп над другими, и принцип сегрегации (разделение социальных групп на высшие и низшие), традиционно приписываемые праворадикальным идеологиям [6, с. 54], респондентами обозначены не были. Вероятной причиной отсутствия строгого определения радикальных идеологий является недостаточное

внимание образовательной программы к данной проблеме. Правдоподобным при этом выглядит и предположение, что преобладание медийной информации по этому вопросу над научной вытесняет даже универсальные алгоритмы определения идеологических признаков. Наложение фрагментарных представлений об идеологических концепциях на не менее фрагментарные идеологии привело к размыванию не только идеологического спектра, но и профессионального отношения к нему.

Отсутствие внятного представления об идеологиях, однако, не становится поводом для студентов-политологов отказываться от своего статуса экспертного сообщества. Ему противоречит ориентация на псевдопрофессиональные источники информации, такие как телепрограмма *«К барьеру»*, канал *«ПолитРоссия»* на *Youtube.com*, информационные блоки, предоставляемые организацией *«Концепция общественной безопасности»*. При обсуждении наиболее достоверных источников, было высказано предположение о том, что если мнения *«не имеют радикального характера, более центристские»*, то им можно доверять, при этом в категорию источников не заслуживающих доверия попали, в том числе, и оппозиционные издания российского информационного пространства. Студенты продемонстрировали несистемный подход в анализе источников информации, не соответствующий приписываемому статусу «экспертов».

В целом следует заключить, что в ходе свободных интервью проявилась тенденция символизации терминов, маркирующих радикальные идеологии. Категории «нацизм», «фашизм», «национализм» утратили (или не приобрели?) в сознании студентов-политологов научную дефиницию и стали насыщены фрагментарным содержанием, основанным на стереотипах и символах медийного пространства.

Далее мы предпримем попытку классификации и точечного дискурс-анализа вербальных символов, присутствующих в дискурсе студентов-политологов в рамках дискуссий о радикальных политических явлениях. Целесообразно, на наш взгляд, выделение нескольких групп подобных символических конструкций, в частности концептуальные символы, определяющие

субъекта; вербальные символы, определяющие действие; и слова, определяющие состояние. Кроме того, необходимо выделить и комплекс инструментальных терминов, которые приобрели особое значение в радикалистском дискурсе студентов.

Инструментальные политологические термины в дискурсе о радикализме

Профессиональный дискурс насыщен специфической терминологией, отличающей его от остальных языковых подструктур. Специфика профессионального языка определяется «лексикой, предназначенной для номинации референтов той или иной предметной области деятельности» [7, с. 20]. Этим свойством в полной мере обладает и политический дискурс, в поле которого происходили беседы со студентами о радикальных проявлениях в политике. Среди терминов, употребление которых является вынужденным, возможно возникновение символических конструкций. К примеру, в определенных профессиональных кругах слова «государство», «власть», «партия» и т.п. становятся вербальными символами, демонстрирующими лояльность или причастность истеблишменту, в то время как в другом сообществе, к примеру, анархистов, эти понятия будут иметь совершенно другое символическое наполнение.

Аналогично в дискуссии о радикализме студенты-политологи активно используют ту социально-политическую и юридическую лексику, которая свойственна их коммуникации в рамках учебных занятий. К подобным вербальным единицам мы можем справедливо отнести такие понятия, как «власть», «государство», «гражданин», «иммигрант», «террор», «конфликт» и т.п. Большинство терминов, отнесенных к инструментальным, имеют сущностно оспариваемый или конвенциональный характер [8, с. 22-24], что создает значительные затруднения при их использовании в коммуникации. Сущностная оспариваемость предполагает, что идеологический элемент изначально «встроен» в содержание понятия, а это, в свою очередь, делает дискуссии об определениях оценочными и абсолютно безрезультатными [9, с. 86]. Одна-

ко в условиях коммуникации среди студентов-политологов, еще не достигших достаточного образовательного уровня, споры о дефинициях базовых научных понятий отличаются еще и отсутствием содержательности. Логичным является и семантическая «пустота» политических терминов в дискурсе студентов во время свободных интервью.

Использование политической терминологии в дискурсе студентов стало признаком принадлежности к экспертной корпорации, что является стратегической целью их образования. В то же время возможно проследить стремление установить асимметрию. Молодое экспертное сообщество подчеркивает свое превосходство над обывателем, демонстрируя свою осведомленность, способность к ориентации в политических проблемах и приближенность к ним. Профессиональный дискурс – яркая отличительная черта эксперта, поэтому популярность инструментальных терминов в коммуникации студентов-политологов крайне высока. Но вследствие поверхностного изучения или противоречивости большинство терминов превращается в «пустые знаки» [См.: 10] со значительным потенциалом символизации, то есть насыщения тем смыслом, который выгоден говорящему в данный момент.

Вербальные символы субъекта

Среди концептуальных ключевых вербальных символов следует, в первую очередь, выделять понятия, выступающие формами номинации субъектов. Критерием выделения данной категории служит отражение определенными лексемами представлений говорящего субъекта о себе, своих условных антиподах и других политических субъектах. По мнению Н.Д. Арутюновой, форма номинации, изреченная коммуникантом, приобретает собственную жизнь, формирует свой пакет коннотаций и значительно влияет на осознание номинированного объекта как самим говорящим, так и реципиентами его сообщения [11, с. 333]. После формирования общепринятого в социальной группе имени того или иного субъекта в действие вступает принцип, описанный теоретиками гипотезы лингвистической отнесенности [См.: 12]. Само слово начинает

формировать представление и отношение к названному объекту, заключая его изначальный смысл в границы языковых норм.

Студенты использовали в процессе свободных интервью довольно разнообразный набор номинаций, относящихся к ним самим и к обсуждаемым политическим субъектам. Выделим для начала формы именованья себя. В значительной степени был представлен демографический тип номинации, основанный на этническом признаке. Студенты чаще всего ассоциировали себя с понятием «русские». При этом частым было насыщение этой номинации эмоциональным содержанием, что подчеркивает символический статус данной лексемы. Среди концептов, ассоциированных с номинацией «русские», необходимо отметить категорию «россияне», с одной стороны, выступающую дополнением (обосновывающим претензию России на многонациональный статус), с другой стороны, создающую антитезу понятию «русские», т.к. большинство студентов-политологов признали безрезультатными попытки формирования российской идентичности. Более того никто из студентов не смог определить себя как «россиянин». В рамках дискуссии подчеркивалась необходимость создания гражданской нации, однако в коммуникации, отстраненной от этой темы, проявилось недоверие к концепту, претендующему на отражение этой идентичности.

Чрезмерная ориентация на этнические признаки в самономинации стала подтверждением присутствия в среде студентов-политологов так называемого «этнического мышления», свойственного, в том числе, и праворадикальным политическим течениям. Присутствие радикальных идеологов подчеркивается еще и тем, что этнически определяются и большинство других субъектов. В дискурсе об украинском кризисе звучали такие выражения, как «украинцы», «истинные украинцы», «истинные русские». Присутствовали также идеологемы, связанные с палингенетическим национальным мифом, стремящиеся к восстановлению единства «русского мира» или еще глобальнее «славянского мира». Объединение и, по крайней мере, мирное существование «славянских людей» в логике респондентов должно строиться на осознании

«братства народов» (украинского и русского), а также противопоставлении «нас» – Западу, являющемуся исторически сложившимся антиподом России.

Символы, отражающие социокультурных и политических Других, демонстрируют не только спектр субъектов, позиции которых являются раздражителями для респондентов, но и показывают, насколько они осознаны в общественном и личном опыте. За признанием естественности противостояния России и Запада лежит острое переживание догоняющего характера развития нашей страны. Модернизационный вызов, брошенный США и Европой, наслаивается на исторический опыт взаимодействия, в итоге выливаясь в стройный миф о враждебности [13, с. 13]. Отражение этой логики мышления мы видим и в дискурсе студентов. Обсуждая антироссийские санкции, молодые политологи открыто высказывают сомнения в отношении способностей российской экономики к импортозамещению и «новой модернизации», признавая губительность политики санкций не только для международного диалога, но и для внутреннего положения в стране.

Склонность к геополитическим рассуждениям, присущая молодому поколению политологов, приводит к смещению акцентов в суждениях. Конкретные внутренние политические и социально-экономические проблемы мало интересуют студентов, в то время как «судьбы мира» постоянно находятся в фокусе внимания. Такой вторичный статус вопросов национального уровня приводит к утрате аналитического характера суждений и символизации терминологии, связанной с данными проблемами. Как следствие в дискурсе студентов прослеживается персонификация официальной власти, этнизация политических конфликтов, маркирование больших социальных групп как угроз национальной и общественной безопасности. Ярким примером последнего может служить символ «Кавказ» как социальная общность людей, озвученная в качестве дестабилизирующего фактора российского общества.

В ряду символов, характеризующих воображаемого антипода, ожидаемо оказались такие лингвоидеологемы, как «Запад», «европейские

страны», «США», «НАТО», «террористы» – это та лексика, популярность которой обусловлена значительным влиянием средств массовой информации. Можно предположить, что данный набор лексем является необходимым, актуальным ввиду активизации нашей страны на международной арене. Однако популярность термина выражается в частоте его использования. Здесь же мы наблюдаем аксиологический аспект модных слов. Они имеют либо негативные, либо подчеркнута нейтральные оценки. При этом в последнем случае причиной может служить негласный запрет на выражение позиции, несоответствующей политическому мейнстриму.

В условиях замкнутости политической системы (и политического дискурса, соответственно) респонденты склонны обмениваться штампованными опустошенными символами, нежели стремиться к многостороннему раскрытию сложившихся международных и внутривнутриполитических проблем. Другой стороной указанного явления может быть влияние идеологических воззрений респондентов. «Идеология стремится положить конец неизбежному разночтению концептов, (...) исключая спорные интерпретации» [14, с. 54]. Наличие множественного понимания (и аналитического, предполагающего существование разных трактовок термина) вызывает раздражение идеологизированного сознания человека, требует упрощения семантики указанных слов в том направлении, которое предполагает идеологическая позиция.

Вербальные символы действия

Данная категория вербальных символов, имеющих место в дискурсе студентов-политологов и связанная с проявлением праворадикальных настроений, выделена для иллюстрации представлений респондентов о характере взаимодействия между основными субъектами политики и общества. Предположение о символизации данной терминологии основано на теории М. Эдельмана, который утверждал, что любая социальная проблема, сколь угодно серьезная и важная для общества, будучи номинирована бюрократической системой, утрачивает свое персонифицированное значение [15, р. 38]. Аналогична ситу-

ация с символами, характеризующими действия основных субъектов в картине мира студентов-политологов. Разберем несколько примеров.

Вербальный символ «война» почерпнут студентами из публичного дискурса, в котором он никогда не существовал как целостное представление о сущности этого феномена. В подтверждение тому – обилие устоявшихся выражений с применением этого термина. Война, в самом утрированном публичном понимании, – это острая фаза противостояния. В дискурсе респондентов этот символ проявился в нескольких ипостасях, а именно: «холодная война», «информационная война» и «террористическая война». При этом первый из видов войны использован как штамп современных отношений между Россией и Западом. У России, по мнению респондентов, практически нет союзников в этой борьбе, а если и есть, то они руководствуются своими корыстными интересами. В обосновании употребления этого термина можно проследить очевидную отсылку к идее избранности России в деле борьбы с гнетом западных стран, их международной политической воли и культуры. Мессианский миф – одна из черт праворадикальных идеологий, наличие которой в дискурсе политологов, говорит о присутствии латентной поддержки указанных политических течений.

Концепты «информационная» и «террористическая война» используются как в образовательном, так и в медиа-пространствах. Важной чертой актов употребления этих терминов является отсутствие осмысленной попытки объяснения научного содержания, которая ожидается от молодого экспертного сообщества. Так, «информационная война» трактуется в большинстве случаев только как односторонняя неэтичная политика оскорбления и оклеветания России со стороны Запада, Украины или других субъектов. Высокая частотность использования и отказ от научной трактовки термина «война» (в различных его проявлениях) говорит об изменении отношения к этой категории. Война уже не ассоциируется с Великой Отечественной войной, с операциями в Афганистане или Чечне. Война стала категорией приемлемой для характеристики современного состояния. Общая

милитаризация политического пространства в стране привела к трансформации вербального символа и насыщению его новым актуальным содержанием.

В поддержку агрессивной тенденции в дискурсе молодых политологов выступает ряд терминов, которые отражают одно идейное содержание. «Реванш», «возмездие» и «ответные меры» демонстрируют готовность студентов поддержать использование насилия в ответ на насилие в отношении России. Поводами для агрессивной реакции были заявлены не только террористические акты или вооруженная операция украинской власти в Юго-Восточных регионах, но и, к примеру, ущемление российских интересов на международной арене в 1990-х годах.

Выявление вербальных символов, используемых студентами для характеристики взаимодействия между различными субъектами, полезно не только для анализа оценок существующих отношений, но и для выявления потенциального поведения. Заявление о том, что между Россией и Западом война (холодная или информационная) предполагает молчаливое согласие на логику развития событий, которую предполагает этот концепт.

Вербальные символы состояния

Устоявшиеся выражения могут иметь коннотации намного более широкие, нежели их непосредственный смысл. Ряд лексем вовлекают в свое семантическое поле широкий спектр политических, социокультурных и исторических представлений говорящего. В указанную категорию мы поместили те вербальные единицы и фразы, которые характеризуют отдельного субъекта или взаимодействие между несколькими посредством штампов исторической памяти. Мы имеем дело фактически с мировоззренческими шаблонами, на основании которых происходит осмысление и объяснение сложившейся ситуации на международной арене и во внутриполитических делах.

На материале свободных интервью среди прочего были выявлены две группы вербальных символов, имеющих непосредственное отношение к радикальным идеям. Наиболее важной из

них является ряд концептов, связанных с идеей цивилизационного раскола. В эту категорию попали вербальные символы, характеризующие некоторых субъектов межкультурного взаимодействия как отдельные «миры». В частности, это такие популярные концепты, как «русский мир», «исламский мир», «европейский мир», «западный мир».

Трактовка международной политики в категориях цивилизационного подхода стала обычной практикой для идеологов правого радикализма. А концепты «цивилизационный раскол» и указанные «миры» заняли свое законное место в списке смежных и периферийных концептов правого радикализма [16, с. 87-89]. Примечательно, что в отношении России в аудитории складывается особое мнение. Судя по результатам свободных интервью и социологического опроса, последовавшего за ними, студенты полагают, что «по типу своей государственности Россия должна быть (...) скорее империей-цивилизацией, чем европейской нацией-государством» [4, с. 1507]. Респонденты предпринимали попытки внести аналитические мотивы в беседу об имперскости («Империя – это всего лишь способ управления территорией»). Однако это еще в большей степени подтвердило их склонность к имперскому мышлению, так как лояльность, проявленная в отношении этого концепта, говорит об осознании приемлемости подобного способа управления для России. На идеи «русского мира», «империи» накладываются убежденность «особого пути России», неоднократно озвученная и во многих случаях подразумеваемая.

Цивилизационный подход к политическим, культурным и экономическим процессам приводит к четкому разграничению миров, неконфликтное взаимодействие между которыми представляется респондентам маловероятным. В России проживают представители разных «миров», и, если следовать логике подхода, является дестабилизирующим фактором угрозой для нашего общества. Острое ощущение различий между «мы» и «они» объясняет наличие в дискурсе молодых политологов фраз уничижительного характера по отношению к отдельным народам и странам. Так, к примеру, Украина большинством

участников беседы не признается полноценным государством. Она получает такие определения, как «лоскутное одеяло», «слишком маленькая страна, чтобы быть независимой», «буферная зона между Россией и Западом» и т.д. Логичным оказывается разделение Украины на восточную и западную, где первая является частью «русского мира», а вторая – «прогнивающей европейской цивилизации».

***

Результаты анализа дискурса студентов-политологов, предпринятого в данной статье, не могут быть расширены до больших социальных групп и всего общества. Их следует рассматривать только в качестве иллюстраций тенденции к размыванию научного содержания радикальной терминологии на фоне популяризации правых сценариев развития страны и вовлечение консервативных концептов в информационную политику официальной власти. Вербальные сим-

волы, приведенные в тексте, имеют потенциал перерастания в радикалистские черты дискурсивного поведения. На данном этапе большинство символов, используемых студентами, находятся в зоне праворадикальной периферии, что, с одной стороны, говорит о наличии латентной поддержки радикальных идей, а с другой – маркирует отсутствие аналитического подхода к деконструкции этих символов. Даже утратив изначальное значение («остекленев»), радикальная терминология не перестает влиять на восприятие действительности.

Опасность популярности радикальных вербальных символов кроется в общей ограниченности тезауруса студентов-политологов, которая приводит к эклектичности дискурса, основанного на научных и медийных источниках. При этом качество проработки получаемой информации крайне низкое, что выливается в популярность шаблонных формулировок, а также метафоризации и навешивания ярлыков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Николаев И.В. Вербальные символы в структуре политической идеологии // Политика и Общество. 2013. № 12. С. 1499-1504. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10348.
2. Межуев Б.В. Что дала России дискуссия о суверенной демократии? // Проблемный анализ и государственно-управленческие проектирование. 2009. № 4. С. 105-112.
3. Ильичёв А.Б. Проблема идеологии в российском политическом дискурсе // Вестник ПАГС. 2014. С. 97-102.
4. Поцедуев С.П. Историческая память в контексте российского нацистроительства (по страницам одного регионального опроса) // Политика и общество. 2016. № 11(143). С. 1499-1509. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.11.20959.
5. Фишман Л.Г. Слишком много эклектики // Политика. 2010. № 2(57). С. 145-154.
6. Внукова Л.Б. Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи: опыт социологического измерения / Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции, 2-6 октября 2015 г. / Отв. ред. А.А. Зайцев. Краснодар: Традиция, 2015. 352 с. С. 52-58.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 328 с.
8. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 432 с.
9. Ледаев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. Политические исследования. 2003. № 2. С. 86-95.
10. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
11. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. М.: Наука, 1977. С. 304–357.
12. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике: вып. 1. М.: Изд. «Иностранная литература», 1960. С. 135-168.
13. Фадеичева М.А. Образы врага в российской политической мифологии начала XXI века // Дискурс Пи. 2006. Т. 6. № 1. С. 11-14.
14. Freedman M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.

15. Edelman J.M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. New York: Academic Press, 1977. 176 p.
16. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2014. № 3. С. 70-90.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Nikolaev I.V. Verbal'nye simvol'y v strukture politicheskoi ideologii // *Politika i Obshchestvo*. 2013. № 12. S. 1499-1504. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10348.
2. Mezhuiev B.V. Chto dala Rossii diskussiya o suverennoi demokratii? // *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskie proektirovanie*. 2009. № 4. S. 105-112.
3. Il'ichev A.B. Problema ideologii v rossiiskom politicheskom diskurse // *Vestnik PAGS*. 2014. S. 97-102.
4. Potseluev S.P. Istoricheskaya pamyat' v kontekste rossiiskogo natsiostroitel'stva (po stranitsam odnogo regional'nogo oprosa) // *Politika i obshchestvo*. 2016. № 11(143). S. 1499-1509. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.11.20959.
5. Fishman L.G. Slishkom mnogo eklektiki // *Politiya*. 2010. № 2(57). S. 145-154.
6. Vnukova L.B. Pravoradikal'nye ideologemy v soznanii studencheskoi molodezhi: opyt sotsiologicheskogo izmereniya / Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodeistviya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prosvetitel'skoi konferentsii, 2-6 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. A.A. Zaitsev. Krasnodar: Traditsiya, 2015. 352 s. S. 52-58.
7. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. M.: ITDGK «Gnozis», 2004. 328 s.
8. Il'in M.V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1997. 432 s.
9. Ledyayev V.G. O sushchnostnoi osparivaemosti politicheskikh ponyatii // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2003. № 2. S. 86-95.
10. Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2001. 240 p.
11. Arutyunova N.D. Nominatsiya i tekst // *Yazykovaya nominatsiya*. M.: Nauka, 1977. S. 304 –357.
12. Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku // *Novoe v lingvistike: vyp. 1*. M.: Izd. «Inostrannaya literatura», 1960. S. 135-168.
13. Fadeicheva M.A. Obrazy vraga v rossiiskoi politicheskoi mifologii nachala XXI veka // *Diskurs Pi*. 2006. T. 6. № 1. S. 11-14.
14. Freedman M. *Ideology: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.
15. Edelman J.M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. New York: Academic Press, 1977. 176 p.
16. Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Sovremennyy pravyy radikalizm: problema identifikatsii priznakov // *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. 2014. № 3. S. 70-90.